

Петр Тодоровский:

ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ

Фильм Петра Тодоровского «Анкор, еще анкор!» все-таки получил «Гран-при» в Сочи, на Открытом Российском кинофестивале. Все-таки — потому что это старая школа, потому что это традиционная школа. И, однако, аншлаз в Сочи был именно на этом старомодном фильме.

— Петр Ефимович, вы утвердились в кино как лирик, певец любви и верности. Но ваш последний фильм «Анкор, еще анкор!» оказался мне заземленнее и жестче по сравнению с вашими предыдущими картинами.

— Вам не показалось — это действительно так. Меняется жизнь, и я меняюсь вместе с нею. Вы знаете, я немножко сам себе надоел. Из фильма в фильм, начиная с «Верности» и далее — «Городской романс», «Фокусник», «По главной улице с оркестром», «Любимая женщина механика Гаврилова», коучет одна и та же тема. И за «Интердевочку» я взялся, потому что сам себе надоел. Мне захотелось на незнакомом мне современном материале попробовать свои силы. Иногда, видимо, в жизни каждого режиссера наступает такой момент. Это, конечно, была в некотором роде измена самому себе, это был совершенно не мой материал, и мне было трудно. Видимо, меня тут вытаскивали профессионализм, чистое ремесло, потому что пропустить материал через свою душу, свой жизненный опыт я не смог — не хватило резерва.

Знаете, вот в «Военно-полевом романе» в самый трудный момент съемок вдруг из резерва памяти выплзли, наплывали подробности жизни и поведения, которые органически вошли в фильм, — они выплывали, потому что прочно утвердились в долговременной моей памяти. В «Интердевочке» все было по-другому.

Да, в «Ангоре» жесткий материал, но, должен признаться, что все мои герои — они, конечно, взяты не из одного времени и не из одного гарнизона, — мне близки и дороги, и я их всех люблю. Это моя жизнь, моя молодость.

Да, «Анкор» жестче, чем «Военно-полевой роман», который тоже из моей молодости, но это была чисто семейная мелодрама, обрамленная не социальными, а душевными и человеческими страстями. Вы понимаете, я даже точно не знаю, любит ли там герой понастоящему женщину, которую он спасает. Это была юношеская греза, и, будучи человеком трогательным и добрым, он не мог пройти мимо той женщины в беде, в которую на войне были влюблены все и которая была так недоступна. Герой хотел сделать ее все той же Королевой, какой она осталась в его памяти. Это тоже своего рода Пигмалион.

«Анкор» более социален. Но, слава Богу, пришло то время, когда можно про эту жизнь говорить по-другому, и я счастлив, что смог снять фильм так, как я хотел. Никто меня не заставлял переделывать, переписывать, переозвучивать, что мне пришлось делать даже в «Военно-полевом романе», который я снимал накануне перестройки. Я уж не говорю о других фильмах.

Я всегда вспоминаю свое первое впечатление от «Амаркорда» Феллини: казалось, что ему так надоело избранное общество, что захотелось естественности, вернуться в свое детство, смешное и трогательное, где были открытые люди и неподдельные открытые страсти. Он обожает своих героев, смеется над ними, иронизирует, но он их любит. Нечто подобное и мне захотелось вспомнить из своей молодости.

«Анкор» — это третья картина и, видимо, последняя, о моей военной молодости. Первая, «Верность», была снята по сценарию, написанному мной совместно с Булатом Окуджавой.

— Вы как-то сказали, что военные годы — лучшие годы вашей молодости. Нет ли в ваших словах противоречия? Ведь до сих пор не подсчитано, сколько молодых жизней зарыто в шар земной. И ваш друг Булат Окуджава пел: «Ах, война, что ты сделала, подлая...» Да и фильмы ваши не о войне, а о людях и их жизни в послевоенное время.

— У меня, как ни странно, война сохранилась в памяти очень выборочно. У меня есть друг, с которым я учился в училище и прошел войну. Он помнит по минутам, как мы в училище прыгали через забор без увольнительной, было семь вечера, поэмка... Яркие вспышки такого плана сохранились в памяти и у меня. Хоть я могу снять и рассказать жесточайшие истории, которые много лет ношу в себе.

И когда я говорил о молодости, я не имел в виду, что война — это лучшие годы. Луч-

шие годы — это молодость, на какое бы время она ни пала, потому что в молодости очень легко быть счастливым и все трудности переносятся много легче, чем в пожилом возрасте.

Как ни странно, человек ко всему привыкает, и к смертям тоже. Один из трех моих товарищей был убит на войне — конечно, горе и очень жаль, но через десять минут после похорон нас ведут в баню — бить вшей, и тут же возникает смех и юмор... А если на передний край, когда мы стоим в обороне, приходят девушки-снайперки, мы гуляем — и это нормально, несмотря на то, что пули свистят, рвутся снаряды и гибнут люди. И даже страшная жизнь — все равно это жизнь.

А военное время или послевоенное — для меня не имеет значения. Армия — это часть нашего общества, это такие же люди, как мы, но на них надели военную форму и заставили жить в определенных обстоятельствах, часто оторванными в какой-то степени от цивилизации. Но там, где живет человек, где живут мужчины и женщины, всегда возникают отношения, и неважно, где это происходит, в каком городе. Гарнизон — это более открытый вариант. В городе мы можем не знать, что происходит в соседней квартире, а в военном городке все на виду.

Вот и Василь Быков, хотя и пишет о страшной войне, старается рассказывать не о жестокости войны, а о нравственных вещах, о язвах человеческих.

— Вы, наверное, помните, что газета «МК» писала о том, что вы в фильме «Анкор» невиданно обелили нашу армию, а «Советская Россия» — о том, что вы очернили. Ставили ли вы перед собой подобные задачи?

— Мне в голову такая мысль не приходила. И вот однажды, когда я слышал по радио, как два военных человека рассказывали о том, как распродают самолеты, автоматы — оружие Прибалтийского военного округа, я вдруг подумал, что моя картина — детский лепет по сравнению с тем, что сейчас творится в армии.

Тот военный городок, который я снимал в прошлом году, точно такой же, как тот, где мы жили в 47-м. А когда я закончил писать сценарий, то думал: господи, где я найду такой глинобитный, одноэтажный, баварский городок? Ну если бы одна казарма нужна была, то мы бы ее могли выстроить. Выяснилось, что таких городков много, и в них живут офицеры.

Мы много твердили, что народ и армия едины, мы восхваляли армию, и во всех наших фильмах она была такая чистенькая и дисциплинированная... Я думаю — вот эта ржа, которая закончилась дедовщиной (в наше время ее не было), началась тогда, когда полковники и генералы тащили из Германии вагоны с барахлом и строили себе дачи и дома, а солдатики и младшие офицеры жили в землянках. Это породило антагонизм и злобу — все пошло отсюда.

Смершевец, которого играет Пашутин, — тоже продукт своего времени. И если бы он себя вел по-другому, то лишился бы своего места. На этом многое в нашей жизни было замешено — за место держались крепко.

Я старался рассказать правду. И в связи с этим я вспомню Виктора Платоновича Некрасова. Когда в Киеве состоялся объединенный пленум всех союзов, на котором Некрасова буквально стерли с лица земли — я тогда был с ним рядом, — все думали, что в предоставленном ему слове он начнет каяться. А он вышел на трибуну и сказал одну короткую фразу: «Я писал и буду писать правду и только правду, которую мы завоевали в окопах Сталинграда».

Я стараюсь снимать правду, я ничего не выдумываю. Однаж-

ды зимой после премьеры фильма «Анкор» в кинотеатре «Россия» в кабинет директора ворвался полковник и громко спросил: «Кто режиссер?». У него было такое лицо, что, казалось, он вытаскивает сейчас пистолет и выстрелит в меня в упор. Он сказал мне: «Вот тебе моя рецензия. Я прожил в этих городках и на Дальнем Востоке, и в Сибири, и под Москвой... Все, что было у меня в жизни, то у тебя на экране». Вы знаете, его слова были для меня мгновением счастья.

— Во всех ваших фильмах, кроме последнего, любовь — это возвышенное, романтическое чувство, вы всегда избегали жестокости и постельных сцен. На сегодняшнем экране все это в изобилии, и даже фильм вашего сына «Любовь» жесток по отношению к этому чувству. Приемлете ли вы экранные откровения?

— Я, знаете ли, человек совершенно другого поколения, нас воспитывали в пуританском духе. Вот когда я недавно смотрел фильм Дмитрия Месхиева «Над темной водой», снятый по сценарию моего сына, то думал о том, что в наше время невозможно было так открыто, обнаженно, в присутствии третьего где-то в коридоре заниматься любовью. Для нас любовь, отношения между мужчиной и женщиной, если это настоящее чувство, так и остались таинством. И скотский вариант для меня совершенно исключаю.

Наше поколение было наивными дурачками. Я помню, когда учился во ВГИКе, мы шли колонной на демонстрацию и испытывали счастье, когда вставали на цыпочки и могли увидеть Сталина. А что-то понимать мы стали позже, когда были уже взрослыми людьми. В нулевом цикле в нас был заложен такой мощный фундамент, так прочно мы были зацементированы, что и сейчас этот фундамент никак не могут разрушить. И это все не так просто...

— Вы закончили свой триптих — закрыли военную тему, и у вас, должно быть, несмотря на сложную ситуацию в кино, уже, наверное, созрел новый сценарий?

— Да, сценарий уже написан. Я сидел год без работы и зимой написал два сценария. Один из них я снимать не буду — мне просто нужно было освободиться от одной истории. А второй сценарий называется «Какая чудная игра!» — он о моих студенческих годах, и потому мои герои сплошь молодые люди. У меня такое ощущение, что с ними я буду молодеть. Снимать я буду зимой — все актеры знают, что я люблю это время года. Моя съемочная группа даже как-то жаловалась: «Ну, Петр Ефимович, другие снимают летом на море, на пароходе или в пансионате...» А я говорю: «Во-первых, зимой вы хорошо сохранитесь, во-вторых, зима — это настоящая Россия». Вы знаете, когда я был в турпоездке в Марокко, то в одном учреждении увидел глобус и был потрясен: по всей территории Союза было написано не СССР, не РСФСР, не Россия, а «Сибирь». Наша страна для многих народов ассоциируется с зимой. Вы знаете, любого актера, даже самого среднего, зима, мороз, снежок, ветродуйчик, который мы делаем, очень оживляют, и потому большинство моих картин снято зимой.

Конечно же, сегодняшняя ситуация в кино очень мешает. Я давно отнес первый вариант сценария в Роскино, куда бросились все режиссеры, чтобы получить деньги на съемки. Министр организовал специальную экспертную комиссию, которая читает сценарии и рекомендует, кому давать деньги, а кому не давать. «Военно-полевой роман» я снял за 380 тысяч, а это были две экспедиции, декорации и прочее. «Анкор» я начал еще в СССР, и он стоил 2 миллиона, а когда я закончил фильм, он стоил 25 миллионов, и это сегодня копеечная цена.

Сейчас я написал сценарий, где нет ни декораций, ни экспедиций, ни «звезд» — мне нужны мальчики, студенты, которые, думаю, не будут мне говорить: «Я стою два миллиона». Но, по предварительным подсчетам, такой фильм должен стоить 180 миллионов. Министр обещал дать для начала 100 миллионов, я начну работу, а потом буду искать спонсоров. Я хочу снимать, это моя жизнь, это то, что может удержать меня на плаву. Я счастлив, что мог соревноваться с очень мощными наступившими модами, талантливыми кинематографистами и что мой фильм был отмечен на фестивале в Сочи.

Беседу вела
М. ЮРИКОВА.